

ИВАН ДЫХОВИЧНЫЙ: В АСКЕТИЗМЕ У ЧЕЛОВЕКА БОЛЬШЕ ЖИЗНЕННОЙ ЭНЕРГИИ

(Окончание. Начало на с. 7)

К счастью, для меня снова открылась дверь в кинематограф, и я ушел снимать «Копейку».

– *Счастливым случай?*

– Да. Я попрощался с коллегами, поблагодарил за доставленное удовольствие поработать на телевидении и остался на улице. Перспектив не было никаких. Даже представить себе не мог, что через несколько дней позвонит Виталий Южнин и скажет: «Помнишь, мы с тобой как-то виделись года три назад? Нет ли идеи снять кино?». Я поехал на встречу с Виталием, ни во что не веря – сколько у меня уже было таких бесполезных переговоров. Но через три недели запустился с картиной. А до этого мы с Сорокиным пять лет ходили с замыслом «Копейки». Все вокруг говорили: «Что ты с ней носишься? У тебя всегда столько сценариев в запасе, а ты с «Копейкой» уперся». Но я чувствовал, что в этой картине могу сказать о многом. Хотел снять именно ее. И снял!

Жизнь в этом смысле удивительна: если ты чего-то очень хочешь и очень в это веришь, то обязательно все получится.

Я никогда не терял надежды. И мне везло – находились люди, которые помогали: так, Лебедев дал деньги на «Музыку для декабря», французы – на «Прорву»...

Как ни странно, люди скорее верят твои человеческие качества, чем в творческие возможности. Это раньше можно было принести свое досье, показать, какие у тебя были премии, что о тебе писали. Сейчас ничего этого не нужно. Главное – найти общий язык с тем, кто может тебе помочь.

– *Чем же так привлекла вас история про «копейку»?*

– Мне кажется, люди придают слишком большое значение сюжетам, связанным со сложными переживаниями, и не замечают, что параллельно их жизни существует некая жизнь вещей, причем на вещах отражается не только наше отношение к ним, но и все те изменения, которые происходят с нами самими.

Та же «копейка» – когда-то она была недостижимой мечтой, признаком абсолютного благополучия человека, а сегодня она – признак его бедности. И при этом остается все той же «копейкой». Она уникальна – ни одной машине в мире не удастся, как ей, пройти через 30-40 хозяев, 30 раз изменив свой цвет и свой характер. Она же, как те ботинки, которые можно носить и в 1911, и в 2003 году, – из моды не выходит. В ней нет ничего лишнего, жирного, на ней не стыдно ездить и сейчас.

Это наша, отечественная машина; само то, как мы ее называем – «копейка» – звучит по-домашнему: хорошее русское слово, и все давно забыли, что на самом деле машина-то итальянская – «фиат».

В нашем фильме «копейка» для многих героев становится талисманом. Для кого-то счастливым, для кого-то нет. Персонажей много, человеческие судьбы все переплетены. Понимаю, непросито вызвать у зрителя интерес к картине, в которой нет сквозной истории, нет центрального героя, объединяющего действие. Сюжетная дробность всегда проблематична. И я придумал такой ход – у меня несколько новелл, 84 роли, но всего 10 актеров, которые переходят из одной новеллы в другую, из одного образа в другой.

– *Новеллы грустные?*

– Картина достаточно смешная, в ней есть веселое (без высокомерия) расставание с той жизнью, которая у нас была.

– *Та прошлая жизнь, по крайней мере, на наших экранах, была достаточно психологически комфортна. Зрителю внушали, что он защищен, что он может верить в будущее, что ему есть на кого опереться в непредвиденных обстоятельствах. Сейчас же экраны захлестнула волна агресии. Как вы считаете, почему? Уже и зрители устали от сплошных ужасов, да и вряд ли наша действительность на самом деле столь кошмарна.*

– Люди, которые не могут в собственной жизни полноценно себя выразить, у которых не было серьезных потрясений, проигрывают это в кино, реализуя свою потребность в острых ощущениях. Я всегда удивлялся тому, что американцы снимают такое количество фильмов о бандитах, насильниках. Такое ощущение, что в Америке сплошные авиакатастрофы, поезда постоянно сходят с рельс, насилуют на каждом углу. Потом понял – Америка до самого последнего времени была благополучнейшей страной. И эти фильмы были нужны им для того, чтобы проживать страшные фантазии, которые есть у многих. Дикая жизнь на экране замещала реальность – своего рода психотерапия.

Но насилие на наших экранах – это как раз отражение действительности. При изменении власти ее, естественно, перехватывают люди, которым надо самоутвердиться. Как? Проще всего – насилуют. У нас же рухнули все законы, вдруг было объявлено, что черное – это белое и наоборот. Чтобы никто не мог протес-

товать, надо заставить всех недовольных молчать. Раньше этим занималось государство. Теперь же любой денежный мешок может тебе заявить: «Нет денег – молчи. Говорить буду я». Не поймешь с полуслова, тебя закопают в землю. Обыкновенная жизненная ситуация. И многие вроде бы приличные люди хотят научиться жить по-новому, беря пример с откровенных бандитов.

Одна моя хорошая знакомая, когда я рассказал ей о том, что человек, с которым она меня познакомил, вор и обманщик, спокойно сказала: «Он не вор, он просто умный и обманул тебя, потому что ты лох». Эти слова меня потрясли, но потом я не раз слышал подобное от других людей. И все-таки не хочу с этим смиряться. Нет, это не умные люди, а обыкновенные жулики и бандиты. Однажды поэт Межиров сказал Высоцкому, когда тот спел ему песню про штрафные батальоны: «Володя, перестаньте идеализировать уголовников. Они всегда стреляли нам в спину». Это актуально и сегодня – не идеализируйте бандитов!

– *Ваши прогнозы на будущее?*

– Непростые. Но мне кажется, что все зависит от нас, от нашего выбора: хотим мы сохранить себя и свое искусство или согласны раствориться в чужой культуре.

– *Вы-то сами выбираете что?*

– Разумеется, наше кино!

– *И что оно для вас?*

– Для меня кино – это реальный мир. Я живу фантазией. Знаете, как дети играют с простой палочкой? Разговаривают с ней, двигают ее, она у них – и паровоз, и собачка, и друг. И они счастливы! Так и я: когда снимаю – я человек с этой палочкой. Счастливы абсолютно.

Тамара СЕРГЕЕВА

С.К. Мотельман - 2007 - 12 окт. - 8.